

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Прокопович. Тайна Стругацких 5

Из интервью, которое специальный корреспондент
Хармонтского радио взял у доктора Валентина
Пильмана по случаю присуждения последнему
Нобелевской премии по физике
за 19.. год 15

1. РЭДРИК ШУХАРТ,
23 года, холост, лаборант Хармонтского
филиала Международного Института
Внеземных Культур 20

2. РЭДРИК ШУХАРТ,
28 лет, женат,
без определенных занятий 75

3. РИЧАРД Г. НУНАН,
51 год, представитель поставщиков
электронного оборудования
при Хармонтском филиале МИВК. 128

4. РЭДРИК ШУХАРТ,
31 год 185

Александр Прокопович
ТАЙНА СТРУГАЦКИХ

Александр Прокопович — писатель и сценарист, преподаватель литературного мастерства. Главный редактор издательства «Астрель-СПб», курирует в том числе выпуск современной фантастики.

В истории русской литературы это единственная книга, которая вызвала такое количество продолжений, иногда альтернатив. А ведь еще есть игры и знаменитая экранизация.

Почему?

Что в «Пикнике» есть такого, чего нет даже в других книгах самих Стругацких?

Чтобы вам ни сказали критик или знаток жанра, покупая том фантастики, читатель ждет не встречи с инопланетянами. Не приключений на далеких звездах. И даже не ужасов глубокого космоса.

Всё так и не так. Читатель ждет встречи с невымыслимым, но настоящим. С тем, во что он поверит, про что он сможет прошептать: да, так оно и есть на самом деле.

Стругацкие — авторы, которые писали о том, что есть на самом деле, о реальности, в которую хочется

верить. Даже не так. О реальности, без которой жизнь не так хороша.

Как они это делали?

И почему «Пикник на обочине» остается фантастикой номер один?

Есть разные приемы и методы создания фантастических текстов. Но все начинается со знаменитого фантастического допущения, если проще — с придумывания чуда. Ведь любая фантастика — это чудо, а без чуда зачем?

Стивен Кинг подводит к нему постепенно, смущая читателей тем, как одни детали реальности постепенно перестают стыковаться с другими.

Айзек Азимов шаг за шагом выстраивает миры. Так подробно, что уже и не понимаешь, что они фантастические.

Стругацкие... берут читателя за шкуру и впечатывают в иную реальность с такой силой, что просто невозможно не поверить в нее.

Они не спрашивают разрешения и не пытаются соблазнить, они не играют в сложности перехода между настоящим и вымыслом, просто читатель уже полностью во власти книги, на него обрушиваются странные люди и мир, в котором есть не только загадочная «пустышка», но и еще более таинственная полная «пустышка».

Есть «ведьмин студень», и есть Золотой Шар. И каждый из артефактов, оставленных пришельцами, реален до ощущения тяжести в руках.

Читатель только что сидел с книгой и был уверен, что самая большая неожиданность, которая может произойти, — изменения в погоде. Но вначале куда-то дается время. «Пикник» безжалостно похищает

часы: только ты начал читать, а вечер давно кончился, на дворе ночь, и ты все еще пытаешься понять — нет, не куда делось время, а как жить дальше, без этого мира.

Эскапизм всегда был одним из мотивов чтения фантастических романов. И неважно — это миры счастливого будущего или мрачного «когда-угодно». Важно, чтобы в этот мир было зачем убежать. Мир «Пикника» жесток, Зона убивает и калечит, но именно там — где легче умереть, чем выжить, — есть надежда. Шанс для чуда. За многие годы так никто и не смог сочинить ничего лучше слов героя книги Рэдрика Шухарта: «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!» Есть надежда, что когда-нибудь именно так все и будет. Кто из нас не готов подписаться под этими словами, которые в СССР стали важнее легендарной триады «*Libertas, aequalitas, fraternitas*»?*

«Пикник на обочине» действует как безжалостный вирус: попав в организм, он не оставляет ни одного шанса.

Почему?

Не просто чудо, но чудо, реализованное с помощью совершенно заоблачного количества идей. Если бы кто-то начал вычислять количество идей в текстах — единицу измерений стоило бы назвать «Стругацкие». И если «Пикник» соответствует единице, то редко какой роман дошел бы до одной десятой.

Знаменитая Зона насыщена артефактами, и это не просто какие-то странные названия, а загадки с несколькими уровнями понимания, и вот тут мы при-

* Свобода, равенство, братство (*лат.*).

ближаемся к главному — к искусному включению читателя в процесс сотворчества.

Мы не просто читаем, мы начинаем фантазировать, достраивать, допридумывать, а братья Стругацкие останавливаются в своих описаниях в точности в тот момент, чтобы не рассказать слишком многое, чтобы не остановить фантазию читателя.

Совершенно буднично в тексте появляется «смерть-лампа». Как? Как можно не начать сочинять, что это вообще такое и чем опасно?

Как не ужаснуться «ведьминому студню»? Как не дофантазировать его в любом заброшенном переулке?

Замечали? В любом хорроре наступает момент, когда становится вообще не страшно. Это происходит тогда, когда автор наконец-то показывает чудовище. Только что было так интересно, кто же это скрывался под кроватью, но сейчас, когда рассматриваешь все эти клыки, чешуйки и когти, — уже не страшно. Ужас, но не «ужас-ужас». В «Пикнике» такого не будет. Страшно и захватывающе будет не то что до конца книги, но и после того, как она уже будет закрыта и поставлена на полку.

Читатель остается сотворцом. Большая часть «Пикника» — это не то, что на бумаге. Это то, что авторы запрограммировали сочинять своих читателей. Каждый читатель «Пикника» становится его соавтором. Виртуальная реальность? Вот она — в чистом виде.

Количество придуманного Стругацкими в «Пикнике» настолько велико, что оно просто не могло не заставить десятки авторов, сценаристов, художников продолжить мир этой великой книги.

Открою тайну. Большинство писателей довольно плохо создают что-то новое. Часто целые циклы строятся на одном-единственном акте создания. Знамени-

тый «Солярис» Станислава Лема содержит один фантастический факт: есть разумный океан, который почему-то занимается тем, что исследует людей в своеобразной манере то ли маньяка, то ли врача-психиатра.

Всё.

Великий Артур Кларк, кажется, умышленно старался себя ограничивать: не больше одной фантастической идеи на один текст.

Стругацкие придумывают щедро и легко, как будто идеи для них — побочный продукт. Но каждая их идея материализуется в предметы и героев. Становится вещественной.

Если когда-нибудь появится религия Посещения Земли инопланетянами, то уже есть священная книга и имена пророков.

Да, это «Пикник».

Что нужно, чтобы человек, который что-то придумал и не поленился рассказать, стал пророком? Чтобы ему поверили.

Споры вокруг «Пикника на обочине» — это не дискуссии литераторов. Тысячи читателей разных поколений спорят о верном маршруте к Золотому Шару и о том, откуда на самом деле брались мертвецы, и главное — а что такое Зона? Так можно спорить только о том, во что веришь безусловно, что вызывает любые вопросы, но не сомнения в существовании.

В каждом достаточно большом тексте квалифицированный читатель может найти что-то важное именно для себя. «Пикник» — небольшой текст. Сами авторы даже не были уверены, роман это или повесть. Штука в том, что объем текста измеряется не столько количеством слов, сколько количеством событий. Человеческий мозг так устроен, что вообще не фиксирует физические характеристики текста. Мозг не уме-

ет взять линейку и измерить корешок, не забыв про толщину бумаги.

Центральный процессор человека видит только то, что происходит на эмоциональном и событийном уровне.

И вот тут оказывается, что «Пикник на обочине» — огромен. Он протяжен во времени. Ведь речь идет о жизни целого поколения. Он о судьбе мира, который изменился и уже не будет прежним. О героях, которых довольно трудно разделить на главных и второстепенных. Главных точно двое. А может, и трое. А может, и четверо...

А еще это, конечно, роман-апокалипсис. Собственно, в русской литературе это первый «постап». И, как и все, что делали Стругацкие, он особенный.

Апокалипсис произошел, но у соседей. Можно жить в паре километров спокойно и хорошо. Можно построить целый институт и спокойно изучать то ли Посещение, то ли Пришествие. Можно создать бизнес, побочным свойством которого будет здоровье детей. Есть чем заняться спецслужбам. И, конечно, — традиционное для Стругацких — а что будет с людьми, если их немного поменять? Они останутся людьми? Или это уже будет кто-то другой? А если другой — что с этим делать?

Множество писателей-фантастов придумывали миры после конца света. И каждый раз они всё выстраивали на том, что у человеческой цивилизации чего-то не будет. Электричества, вайфая, полетов в космос, а может, просто дождя... И только Стругацкие сумели подойти иначе. А что будет с людьми, если у них не забирать — если им давать? К примеру — вечный источник энергии. Как они? Справятся?

И неожиданно мы видим, что это текст про искушение. В большой литературной традиции все достаточно просто и предсказуемо. Дьявол предлагает человеку дары и, разумеется, обманывает, не обозначив пункты контракта, написанные мелким шрифтом. Дальше — либо тут все и закончилось, либо герой придумывает, как в свою очередь обмануть дьявола. И это заставляет автора играть в поддавки, так как обмануть отца лжи по определению невозможно.

Стругацкие развернули правила игры, которая ведется с момента возникновения христианства. Они не ставили вопрос, как обмануть дьявола, как справиться с искушением. Они решили выяснить, что же происходит с человеком, который оказался в этой сделке, хотел он того или нет. Остается ли он прежним? Кто он теперь? Он все еще человек?

В детстве меня Стругацкие и, разумеется, «Пикник на обочине» раздражали. Мне хотелось ответов. Мне не хватало определенности. Если случается что-то неведомое — скажите, кто виноват, и будьте любезны предоставить каждый винтик чуда.

Загадки были так притягательны, что простить отсутствие разгадок было невозможно. Но Аркадий Натанович и Борис Натанович оказались несколько взрослее той фантастики, к которой я тогда привык. Им было не столько интересно «что», им было интересно «как», но и это не все.

В текстах Стругацких много про учителей. Особенно в поздних произведениях. Если отбросить педагогику и посмотреть на воспитание отрешенно, то мы удивимся тому, что воспитание — это превращение. Чудо. Было одно, стало другое. Помните всевозмож-

ные магические академии? Это все отсюда, от превращения как обучения.

Стругацкие делают еще один шаг. Никаких пособий, учебников, никаких домашних заданий. Они переворачивают доску. Чтобы научиться новому — надо стать другим. Не обучение меняет тебя, а то, что ты становишься другим, тебя обучает.

Так работают и книги Стругацких. Чтобы что-то вынести, приходится самому находить отгадки, самому их проживать и становиться другим.

Никто-никто не знает достоверно, как действует книга на человека. Можно быть счастливым обладателем роскошной библиотеки и одновременно серийным убийцей, можно так и не освоить грамоту — и остаться прекрасным человеком. Но. Книга — это инструмент. «Пикник на обочине» — инструмент, изготовленный многими миллионами копий, переведенный на массу языков от китайского и эсперанто до английского, немецкого и французского. Мы абсолютно точно живем в мире, по которому прошелся «Пикник». Начиная с 1971 года мы все участвуем в огромном эксперименте «Что будет с читателем, если он прочитает „Пикник на обочине“»?

Какая «Зона» появится в его воображении, что он придумает пожелать, оказавшись перед Золотым Шаром — предметом, который может выполнить только самое сокровенное желание?

Стругацкие не отвечают на вопросы, они их ставят. Отвечать нам.

Ты должен сделать добро из зла,
потому что его больше не из чего
сделать.

Р. П. Уоррен

Из интервью, которое специальный корреспондент Хармонтского радио взял у доктора Валентина Пильмана по случаю присуждения последнему Нобелевской премии по физике за 19.. год

— ...Вероятно, вашим первым серьезным открытием, доктор Пильман, следует считать так называемый радиант Пильмана?

— Полагаю, что нет. Радиант Пильмана — это не первое, не серьезное и, собственно, не открытие. И не совсем мое.

— Вы, вероятно, шутите, доктор. Радиант Пильмана — понятие, известное всякому школьнику.

— Это меня не удивляет. Радиант Пильмана и был открыт впервые именно школьником. К сожалению, я не помню, как его звали. Посмотрите у Стетсона в его «Истории Посещения» — там все это подробно рассказано. Открыл радиант впервые школьник, опубликовал координаты впервые студент, а назвали радиант почему-то моим именем.

— Да, с открытиями происходят иногда удивительные вещи. Не могли бы вы объяснить нашим слушателям, доктор Пильман...

— Послушайте, земляк. Радиант Пильмана — это совсем простая штука. Представьте себе, что вы раскрутили большой глобус и принялись палить в него из револьвера. Дырки на глобусе лягут на некую плавную кривую. Вся суть того, что вы называете моим первым серьезным открытием, заключается в простом факте: все шесть Зон Посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто-то дал по Земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где-то на линии Земля — Денеб. Денеб — это альфа созвездия Лебеда, а точка на небесном своде, из которой, так сказать, стреляли, и называется радиантом Пильмана.

— Благодарю вас, доктор. Дорогие хармонтцы! Наконец-то нам толком объяснили, что такое радиант Пильмана! Кстати, позавчера исполнилось ровно тринадцать лет со дня Посещения. Доктор Пильман, может быть, вы скажете своим землякам несколько слов по этому поводу?

— Что именно их интересует? Имейте в виду, в Хармонте меня тогда не было...

— Тем более интересно узнать, что вы подумали, когда ваш родной город оказался объектом нашествия инопланетной сверхцивилизации...

— Честно говоря, прежде всего я подумал, что это утка. Трудно было себе представить, что в нашем старом маленьком Хармонте может случиться что-нибудь подобное. Восточная Сибирь, Уганда, Южная Атлантика — это еще куда ни шло, но Хармонт!

— Однако в конце концов вам пришлось поверить.

— В конце концов — да.

— И что же?

— Мне вдруг пришло в голову, что Хармонт и остальные пять Зон Посещения... впрочем, виноват, тогда было известно только четыре... Что все они ложатся на очень гладкую кривую. Я сосчитал координаты радианта и послал их в «Нэйчур».

— И вас несколько не взволновала судьба родного города?

— Видите ли, в то время я уже верил в Посещение, но я никак не мог заставить себя поверить паническим корреспонденциям о горящих кварталах, о чудовищах, избирательно пожирающих стариков и детей, и о кровопролитных боях между неуязвимыми пришельцами и в высшей степени уязвимыми, но неизменно доблестными королевскими танковыми частями.

— Вы были правы. Помнится, наш брат информатор тогда много напутал... Однако вернемся к науке. Открытие радианта Пильмана было первым, но, вероятно, не последним вашим вкладом в знания о Посещении?

— Первым и последним.

— Но вы, без сомнения, внимательно следили все это время за ходом международных исследований в Зонах Посещения...

— Да... Время от времени я листаю «Доклады».

— Вы имеете в виду «Доклады Международного Института Внеземных Культур»?

— Да.

— И что же, по вашему мнению, является самым важным открытием за все эти тринадцать лет?

— Сам факт Посещения.

— Простите?

— Сам факт Посещения является наиболее важным открытием не только за истекшие тринадцать

лет, но и за все время существования человечества. Не так уж важно, кто были эти пришельцы. Неважно, откуда они прибыли, зачем прибыли, почему так недолго пробыли и куда девались потом. Важно то, что теперь человечество твердо знает: оно не одиноко во Вселенной. Боюсь, что Институту Внеземных Культур уже никогда больше не повезет сделать более фундаментальное открытие.

— Это страшно интересно, доктор Пильман, но я, собственно, имел в виду открытия технологического порядка. Открытия, которые могла бы использовать наша земная наука и техника. Ведь целый ряд очень видных ученых полагает, что находки в Зонах Посещения способны изменить весь ход нашей истории.

— Н-ну, я не принадлежу к сторонникам этой точки зрения. А что касается конкретных находок, то я не специалист.

— Однако вы уже два года являетесь консультантом Комиссии ООН по проблемам Посещения...

— Да. Но я не имею никакого отношения к изучению внеземных культур. В КОПРОПО я вместе со своими коллегами представляю международную научную общественность, когда заходит речь о контроле за выполнением решения ООН относительно интернационализации Зон Посещения. Грубо говоря, мы следим, чтобы инопланетными чудесами, добытыми в Зонах, распоряжался только Международный Институт.

— А разве на эти чудеса посягает еще кто-нибудь?

— Да.

— Вы, вероятно, имеете в виду сталкеров?

— Я не знаю, что это такое.

— Так у нас в Хармонте называют отчаянных парней, которые на свой страх и риск проникают в Зону

и тащат оттуда все, что им удастся найти. Это настоящая новая профессия.

— Понимаю. Нет, это вне нашей компетенции.

— Еще бы! Этим занимается полиция. Но было бы интересно узнать, что именно входит в вашу компетенцию, доктор Пильман...

— Имеет место постоянная утечка материалов из Зон Посещения в руки безответственных лиц и организаций. Мы занимаемся результатами этой утечки.

— Нельзя ли чуточку поконкретней, доктор?

— Давайте лучше поговорим об искусстве. Неужели слушателей не интересует мое мнение о несравненной Гвади Мюллер?

— О, разумеется! Но я хотел бы сначала покончить с наукой. Вас как ученого не тянет самому заняться инопланетными чудесами?

— Как вам сказать... Пожалуй.

— Значит, можно надеяться, что хармонтцы в один прекрасный день увидят своего знаменитого земляка на улицах родного города?

— Не исключено.